

гендерно сформированных идентичностей, исследованных антропологами, биологическую основу гендерной идентичности и психологическое обоснование различий. Но существующие модели гендерной идентичности, для социальных наук, базируются на социальном происхождении наших моделей, а не том, что мужчины и женщины выходцы с разных планет и их социальные различия носят непреодолимый врожденный характер. Как предостерегает М. Киммел осознание, что гендер является социальной категорией, часто ложно понимается, как то, что не мы как индивидуумы, а общество, ответственно за наши поступки. Гендерно сформированные идентичности одновременно и добровольные (мы выбираем, кем хотим стать), и вынужденные (общество на нас оказывает определенное воздействие). Современные исследования доказывают, что текущие сочетания значений и типов поведения, которые мы сами конституируем, исходя из ценностей, образов и предписаний, которые находим в окружающем мире составляют суть наших гендерных идентичностей. Ученые настаивают, что биология обеспечивает сырье, в то время как общество и история обеспечивает контекст, инструкцию, которой мы следуем, чтобы строить нашу гендерную идентичность.

Тарасова Наталья Юрьевна
Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Государственного ВУЗ
«Национальный горный университет»

СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ ПОСТМОДЕРНА И МИФ

Просматривая книжные полки известных зарубежных и отечественных издательств и передовые полосы популярных газет, с удивлением убеждаешься – в мире постмодерна мифология как никогда жива. Совершенно очевидно, что возрождение мифологического сознания в социальном бытии современного общества эволюционно обусловлено. Ибо что может противостоять жёсткому прагматизму и технорациональности позднего индустриализма, как не многовекторная мифологизация? Её востребованность вызвана мировоззренческой и психологической потребностью в определённости, хотя бы в относительной стабильности и позитивной перспективе душевно неустойчивого социума.

Противоречивая социальная практика постмодерна лишний раз подтверждает выводы Р.Барта о закономерной «связи мифического комплекса с общим ходом истории». Наиболее востребованной областью разветвлённой мифологизации становится политика — сфера экспансии буржуазных мифов

«правых» и «левых». Желающие не казаться, но быть, правые силы находят визуальное подтверждение своих претензий в идеологических и эстетических формах мифологии, подчёркивает Р.Барт. Левые силы, оттеснённые цивилизацией и крахом мирового социализма, постоянно активизируемые кризисными процессами XX века, публично отрицают свои притязания на мифологию. Но на деле, перерастание идей в политическое движение демонстрирует мифотворчество: «невинный метаязык» образно выражает их идеологические и практические цели [2, с. 309-312]. И именно язык, действующий на семиотическом и лингвистически-риторическом уровнях политической коммуникации, выявляет себя наиболее эффективным средством современных мифологий, утверждает Р. Барт.

Исследование процессов неомифологизации постмодерна возвращает нас к заключениям о методах и силе воздействия мифа, сделанным в З.Фрейдом, Ф.Соссюром и К.Леви-Строссом, отмечавшими тенденцию «засорения» социальной сферы излишней символикой, а также признаки возрождения магии и шаманства в атмосфере всеобщего невроза и потери духовных ориентиров обществом конца первой мировой войны.

Методологические их установки плодотворно реализовались в исследованиях по вопросам нации, национальной идентичности и национализма полувеком спустя. Среди таковых - известная работа Б.Андерсона «Воображаемое сообщество», обнаруживающая родственный подход к пониманию мифа как символического отражения специфических социальных порядков. Интерпретируя нацию общностью, солидаризированной «унифицированным воображением», Андерсон указывает на паритетность сознанию - иррациональной составной национальной идентификации. Ибо в историческом подтверждении себя как целостности, нация, по его мнению, должна постоянно находиться в процессе «воображения», генерируясь в виде некоего переживаемого на уровне подсознания национального единства, что в конце концов формирует национальное самосознание и реализуется в необходимых видах деятельности.

Если учитывать, что нация понимается Андерсоном, как указывает Баньковская, «особым культурным артефактом» [1, с. 10], а национализм — не идеологией, а аксиологическим феноменом - «самой универсальной ценностью в политической жизни», то в современном рационализированном обществе формирование нации зависит от ценностно-ориентированного поведения. Истоком его становятся глубокие цивилизационные преобразования мировоззрения и культурных, прежде всего, религиозных и языковых подсистем.

Интерпретируя национализм своего рода религией современного общества, «сулящей человеку бессмертие в вечном существовании нации, к

которой он себя причисляет в своём воображении» » [1, с. 11], Андерсон очерчивает и его мифологическую составную. По его убеждению, нация образуется путём идентификации в границах единого пространства и времени - разделённым чувством солидарности, что недостижимо без унифицирующего воображения в качестве механизма ценностного опосредования и обоснования прочных культурно-исторических связей социального целого.

Конструктивными способами первого шага национальной идентификации - создания территориальной идентичности - в постколониальных условиях Андерсон называет «перепись», «музей», а также «собственную воображаемую карту», вовлекающие в территориальное отождествление символические ресурсы социальной памяти [1, с. 183-187]. Указанные методы способствовали воссозданию «учётных образов» - этно-расовых классификаций, в рамки которых укладывался весь способ жизни подотчётных территории государств людей. Что касается механики реализации воображения в религиозном, политическом и юридическом аспектах переопределения множества социальных групп постколониальных сообществ, то тут Андерсон отсылает к языку .

Историческая необходимость нарратива национальной идентичности, включающего мифологический аспект, обосновывается Андерсоном, понимающим нацию в непрерывности её существования как воображаемого сообщества, посредством апелляции к органической теории. Нация, имеющая биографическое начало и конец, имеет и зоны разрывов, сопровождающиеся исторической анемией, когда провалы в социальной памяти заполняет мифология. Потому «...сознание помещённости в мирской, последовательно поступательный поток времени, во всей вытекающей отсюда непрерывности, но вместе с тем и с «забвением» переживания этой непрерывности — продуктом разрывов, произошедших на исходе XVIII века,- рождает потребность в нарративе идентичности» [1, с. 222-223].

На роль мифосимволики в значении идеологического средства становления национальной идентичности обращает внимание С.Хантингтон в работе «Национальная идентичность», рассматривая процесс её возрождения, простимулированный постмодерным мировым терроризмом в работе «Американская идентичность». Проблему истоков неомифологизации затрагивает и посвящённая этнической идентификации работа Р. Брубейкера «Этничность без групп», как и целый ряд ставших уже «классическими» работ по проблемам нации и этноса, в том числе, Э. Ренана, Э. Гобсбаума, Е. Смита, Д. Пламенаца.

Литература:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М.: Канон Пресс, 2001. –288 с.
2. Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Академический Проект, 2010. – 351 с.